

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

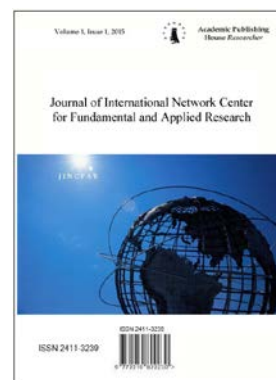
Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.

ISSN 2411-3239

Vol. 5, Is. 3, pp. 152-168, 2015

DOI: 10.13187/jincfar.2015.5.152

www.ejournal36.com

UDC 94

Potential Epistolary Sources in the Study of the History of Emotions: on a Material of Letters From Provincial Towns to the Red Army in 1939 year

Irina G. Tazhidinova

Kuban State University, Russian Federation
Kuban Naberezhnaya street, 4. Krasnodar city, 350063
PhD (History)
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Abstract

There is a growing interest in the study of emotions in historical science. This turn requires clarification of the source base. This article analyzes the possibilities private correspondence for the study "emotional history." On the basis of a complex epistolary documents (letters from the provincial cities of the USSR in the Red Army in November-December 1939) is considered "emotional snapshot" of everyday citizens. Revealed that a large impact on their vitality by factors such as the beginning of the Soviet-Finnish War and the level of material security.

Keywords: the history of emotions, epistolary sources, prewar decade, the Soviet-Finnish War, the provincial city of the Soviet Union, everyday life, emotional distress, anxiety, love, material insecurity.

Введение

На волне растущего интереса к исследованию эмоций в разных отраслях науки, в том числе исторической [1; 2], уместны не только вопросы о том, каким образом эмоции могут быть изучены, но и о том, из каких именно источников сведения о них можно почерпнуть. Если естественники, специализирующиеся на эмоциях, опираются на эксперименты над подопытными животными или даже людьми, то специфика исторических исследований заключается в работе с прошлым (и, соответственно, с людьми «умершими»), и поэтому, как отмечает Ян Плампер, «эпистемология гуманитарных наук принципиально отличается от эпистемологии естественных наук» [1, с. 32]. В программной работе Плампера «Эмоции в русской истории» сделана попытка наметить перспективные направления истории эмоций (история понятий, обозначающих эмоции; дискурсивный анализ эмоций; анализ норм эмоционального выражения и отклонения от них; выявление эмоционального фактора в причинности исторических событий), а также назвать те группы источников, на основании которых данные историко-эмоциональные перспективы могли бы разрабатываться [1, с. 33-35]. В ряду таких обозначены: литературные произведения, нормативные источники, документы судебной практики, источники личного происхождения.

Историку, задавшемуся целью расширить представления об эмоциональной жизни советского человека довоенного времени, стоит, в числе первоочередных, сосредоточиться

на источниках личного происхождения (дневниках, частной переписке, воспоминаниях), уже в силу своей специфики запечатлевших перипетии в данной сфере. Как справедливо отмечает А.Ю. Рожков, «несмотря на немалое количество работ по истории советской повседневности, вышедших за последние годы, чувственный мир человека в раннем советском обществе как предмет историко-антропологического исследования остается практически не изученным, что затрудняет многомерное понимание феномена “советский человек”, как и советского общества в целом» [3, с. 218]. Нет ничего необычного в том, что нетрадиционный для отечественной историографии исследовательский ракурс «эмоциональной истории» требует повышенного внимания к тем источникам, которые ранее привлекались лишь изредка или с оговорками. Так, за эпистолярными документами долгое время числились такие «недостатки» как субъективность и скудость полезной для историков информации. Сами публикации писем советского периода в соответствующих сборниках, как правило, были избирательными, неполными, фрагментарными (зато, разумеется, идеологически выверенными), что минимизировало возможности их использования в исторических исследованиях [4, с. 139-140].

Публикации эпистолярного наследия советской эпохи, относящиеся к последнему времени, если можно так выразиться, полноценнее. Это касается и переписки раннесоветского периода [5; 6]. Не прошедшие фильтрации на предмет «мелкотемья», не изрезанные «купюрами» в угоду идеологии, письма, опубликованные в новейших изданиях, располагают ученых к постановке и решению новаторских задач, в том числе в области «эмоциональной истории».

Определенные шаги в данном направлении уже предпринимаются, в том числе, по изучению «эмоционального среза» повседневной жизни провинциальных городов СССР периода 1930-х гг. Привлекая воспоминания и письма жителей Магнитогорска, Н.Н. Макарова рассматривает духовные переживания и спектр эмоций строителей нового промышленного города. Как утверждает исследовательница, «эго-источники позволяют представить живую картину городской повседневности», реконструировать саму «повседневность чувств» магнитогорцев [7, с. 16; 8, с. 205-213]. Этой же линии, в принципе, придерживаются и другие современные историки повседневности, использующие эпистолярные документы для более детального обзора практик жизни горожан в конкретных регионах страны [9; 10]. Хотя нельзя не заметить, что в большинстве подобных, посвященных истории повседневности, работ, проблематика эмоций специально не рассматривается, а лишь задевается «по касательной».

Письма рядовых граждан вождям (И.В. Сталину, В.М. Молотову, М.И. Калинин и др.), на протяжении предвоенного десятилетия приходившие в столицу из провинциальных городов страны, стали источниковой основой наших статей, написанных в рамках коллективного проекта ««Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций»». В данных статьях предпринята попытка анализа эмоционального содержания подобного рода корреспонденции, причем в одном случае акцентируются те проявления любовного чувства, которые, наряду с почитанием и лестью, там обнаруживаются [11], а в другом – выявляются «дефицитные» эмоции, то есть те, которыми горожане были обделены [12].

Продолжая работу в этом русле, рассмотрим эмоциональную составляющую повседневности провинциальных городов Советского Союза на исходе 1930-х гг. Документальная основа нашего исследования – письма в Красную армию, датированные ноябрем-декабром 1939 г. Этот уникальный комплекс источников был опубликован в Нью-Йорке в 1944 г. [13], причем история возникновения данного собрания заслуживает особого внимания.

Действительно, благодаря русскому историку Владимиру Михайловичу Зензинову (эсеру, в 1919 г. эмигрировавшему из России), мы располагаем массивом частных писем рядовых советских граждан, которые в 1940 г. были собраны на полях сражений в Финляндии. Это письма, подобранные на трупах советских солдат, найденные в карманах их одежды. История возникновения данной «коллекции» началась с того, что во время советско-финской войны Зензинов прибыл в Хельсинки из Парижа как журналист. Испытывая жадный интерес к происходящему в Советском Союзе, он рассчитывал на то, что война «приоткроет окно в Россию» и с помощью «тысяч свидетелей» (советских пленных)

можно будет, наконец, «заглянуть внутрь» когда-то вынужденно покинутой им страны. Как пишет сам Зензинов: «Меня интересовала не война, а Россия» [13, с. 11, 26]. Однако отрывочные и недостаточно откровенные разговоры с пленными надежд не оправдали. Ситуацию изменила поездка Зензинова на фронт, когда он оказался на поле недавнего сражения. Последнее произошло с 28 на 29 февраля 1940 г.; разгрому финнами в нем подверглась одна из частей 34-го Танкового Дивизиона. Именно здесь Зензинов подобрал 11 писем красноармейцев и понял, что в личной корреспонденции советских военнослужащих таится «драгоценный материал [о том], как и чем живет современная Россия» [13, с. 44]. По возвращении в Хельсинки он направил все усилия, чтобы добраться до того эпистолярного материала, который финны со свойственными им «добросовестностью, упорством и аккуратностью» собирали на всех фронтах и отправляли «вагонами» в Военный Архив.

Зензинов умалчивает, как ему удалось заполучить «чемодан, битком набитый письмами красноармейцев» (504 письма). Так или иначе, он располагал достаточным количеством времени на их изучение; почти половину писем исследователь переписал, а некоторые сфотографировал. О данном массиве документов необходимо отметить следующее: все письма были адресованы в Действующую Красную армию, 273-й Горно-Стрелковый полк; все они были подобраны под Суомуссальми, где военные операции продолжались с 11 по 30 декабря 1939 г. Еще несколько десятков писем были переданы Зензинову корреспондентами известных зарубежных изданий, также подобравшими их на полях сражений под Суомуссальми, у Леметти и др. Всего через руки Зензинова в оригиналах прошло 542 письма. Они стали документальной основой его книги «Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939-1940», изданной в 1944 г. в Нью-Йорке на собственные средства автора.

Помимо замечательного анализа собранного материала, предпринятого в книге самим Зензиновым, важно, что в ней полностью приводятся тексты 277 писем, а это позволяет современным исследователям сделать собственные выводы относительно широкого круга вопросов повседневной жизни в СССР конца 1930-х гг. При этом Зензинов отмечает: «По многим соображениям, можно предполагать, что огромное большинство этих писем и документов были адресованы и принадлежали лицам, которых теперь уже нет в живых...» [13, с. 51]. Более оптимистичен он в отношении судеб авторов собранных писем, т.е. родных и близких красноармейцев («...Каждая строчка написана живым (живущим, вероятно, и сейчас) лицом»), однако, с учетом тех тяжелых жизненных условий, в которых, согласно письмам, пребывали семьи фронтовиков, а также предстоявших этим людям испытаний и лишений Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., уверенности в благополучии большинства из них немного.

Руководствуясь своими задачами, мы изучали корреспонденцию из провинциальных городов Советского Союза. Хотя в «коллекции» Зензинова она составляет небольшой сегмент (не более 15 %), зато охватывает достаточно широкую географию. Особенно много информативных для нашего исследования писем оказалось с севера (из Мурманской и Вологодской областей), из Украинской ССР, а также из городов Воронежской, Тамбовской и Ярославской областей. Единичными документами представлены Брянск, Тула, Челябинск и др. Почти все письма адресованы рядовым красноармейцам и, может быть, поэтому среди корреспонденции так редко встретишь грамотно написанный текст. «Чрезвычайно мало писем людей сколько-нибудь культурных» – констатирует Зензинов. И это замечание не только о «колхозной массе», но и о горожанах, которые, судя по содержанию писем, вышли из деревенской среды и еще не утратили связи с ней. Цитируя письма жителей малых и более крупных городов предвоенного СССР, мы сохранили авторскую орфографию и пунктуацию, что позволяет, на наш взгляд, наилучшим образом передать живые эмоциональные переживания обычных советских людей по поводу происходившего в стране и в их личных судьбах.

Обсуждение

«Добрый день, веселый час» – шаблон-приветствие, из числа широко распространенных в письмах 1930-х гг., курсировавших между городами и весями Союза Советских Социалистических Республик. В шаблоне этом заключалась то ли констатация, то

ли пожелание, но главное – заряд человеческой теплоты. Может быть поэтому не удивляет тот парадоксальный, по сути, факт, что данный шаблон не исчез из частной переписки и тогда, когда жить советским людям стало еще труднее, когда в их повседневность вошло слово «война» со всеми ее жестокими атрибутами (мобилизация, человеческие потери, ухудшение и без того низкого уровня жизни). Произошло это на исходе 1939 года; война с Финляндией (30 ноября 1939 г. – 12 марта 1940 г.) получила название «Зимней» и, как известно, обернулась чрезмерно большими потерями для советской стороны.

В собрании Зензинова немало писем, датированных 1 декабря 1939 г. – днем, который следовал за началом активных боевых действий Красной армии против финских войск. В этих письмах – первая реакция на событие, впрочем, подготовленная муссированием проблемы сложных советско-финских отношений в средствах массовой информации еще в ноябрьские дни.

Изменения в международной обстановке отслеживались, делались выводы об их влиянии на личные дела. «Шура мы тебя ждали а тепер в связи с международным положени[ем] думаем о другом» – напишет 1 декабря 1939 г. из г. Рыбинска Ярославской области мать А. Березина, находившегося на срочной службе [13, с. 294]. В тот же день жена жителя Тамбова Анатолия Водопьянова, служившего в музвзводе 273-го Горно-стрелкового полка, сообщает ему о возрастающем беспокойстве семьи о своем главе: «Ты пиши нам каждый день хоть два слова больше ничего что ты жив и здоров потому, что ты знаешь сам какое положение в стране и мы все прямо сума сходим о тебе <...> я пишу тебе со слезами неужели мы больше не увидимся с тобой а!» [13, с. 306-307].

Некоторые письма жен, пронизанные страхами за судьбу мужей, свидетельствуют о расстройствах сна и других симптомах психической неустойчивости. Е.И. Красавина из г. Дзержинска Горьковской области начинает свое письмо мужу от 1 декабря, видимо, машинально («Доброй день веселой час пишу письмо и жду от вас...»), но далее не способна выразить никаких иных эмоций, кроме тотальной тревоги. «Я так бес покоюс что незнай вы там как живети потому что в газети пишут награнице филяндии не благополучно паня пропиши где ты находиса из кондалакши вас перегнали куда <...> я чтото посмотрю на карте паня я очен биспокоюс и нет уж мой надежи что стобой и увидимся <...> пишу я тебе [в] воходной день и чтото разболела сердце и даже поплакала <...> я обтебе недумаю только тогда когда крепко усну а как проснусь так сердца заварит как варом потому что сечас очень сумнительное время...» [13, с. 371].

Формулировка о том, что некто «спит и [только тогда] не думает» о красноармейце (сыне или муже) встречается в письмах очень часто, и ясно, что в ней сконцентрирована высшая степень переживаний за родного человека [13, с. 378]. Впрочем, корреспондентки, утверждающие, что практически лишились сна из-за своих тревог, тоже не редкость. «Вася я тебя во все во снях не вижу. И как ты уехал ни разу как следует я не сыпала, все так скучно. Мне вспоминается как ты все же хорошо ко мне относился. И мне тебя во-веки не забыть, сильно скучно без тебя» – горюет по мужу и прошлой жизни с ним Тоня из г. Новоржева (Псковская область) [13, с. 428].

Впрочем, бессилие что-либо изменить приводило к мысли смириться со случившимся. «Когда я услышала за фландию, – писала жительница Воронежа своему парню, – что она совершила об стрел нанаш советский саюс Митя то мне ещо болше тоск[ливо] стала Митя и так я скучаю потиб и толко миня на том успокои[ли] что нечего сделает нелза...» [13, с. 298]. Такая же безропотность выражена в письме жительницы г. Рыбинска мужу, датированном 30 ноября. Перечислив последнему, кого из знакомых «взяли» в армию, женщина пишет: «Сереженька вчера и севодни слушала речь Молотова, что только будет дальши, прямо жутко. Крошка только бы увидится нам-бы живым. Ноделать нечего, приходится мерится совсем» [13, с. 359].

Действительно, обсуждать «данность» происшедшего женщины не склонны, т.е. они не вдаются в суть вопросов, можно ли было избежать военного конфликта с Финляндией, сколько он продлится и пр. В этих первых письмах уже не просто в Красную армию, где и в предыдущие месяцы служили их мужья и сыновья, а именно «на войну», женщины поднимают главный жизненный вопрос – удастся ли увидеть друг друга вновь. Однако избежать обсуждения утилитарных проблем не удастся хотя бы потому, что населению СССР и без войны жилось не сладко.

О многом говорит тот факт, что из пятисот сорока двух писем, прошедших через руки Зензинова, о благополучии свидетельствуют не более десятка, причем, вследствие обязательных оговорок авторов, они оставляют впечатление об относительности такой безбедной жизни. Даже в них речь идет, главным образом, о достатке в питании. Остальные письма повествуют об откровенной нужде, безрадостной повседневной жизни.

Жительница Костромы (Ярославская область) суммирует в письме сыну Василию свои первоочередные проблемы: «...я живу нетак что хорошо сильно растраиваюсь у меня все недостаток все живу наодно жалование одна за квартиру плачу одна девченки ходят все трое в школу надо обувь Шуре купила бурки за 30 рублей на площадке а этим надо старую обувь чинить на Октябрьскую [революцию] достала ситцу десять метров денег заняла а типерь осталась в долгу ну делать нечего всяя надо жить помаленьку. Сама зарабатываю рублей на 270–280». Концовка письма совсем грустная; говорится, что семья живет без сахара уже четвертый месяц, а цены на некоторые другие продукты слишком высокие, чтобы их себе позволить («молоко 3 рубля литр мясо 15 руб. кг»). Отсюда резюме: «Все дорого ис[ть] совсем нечего» [13, с. 293-294].

Горожан обычно расстраивало неудовлетворительное снабжение продуктами и промтоварами. «Вася у нас в городе очень плохо нет сахару, конфет, ситцу, нет обуви очень трудно жить» – горевал в письме брату пятиклассник из г. Пошехонье (Ярославская область). В первых же строках своего письма мальчику вторила мать: «Вася живем не важно все дорого, да и нет ничего бывает перебой с хлебом, белого хлеба совсем нет слатости ни какой нет. Нет мыла керосина дрова по 30–40 руб воз. Мясо 10 руб картошка 10. Молоко 2 руб литр монофакт[ур]ы обуви нет. Жить Вася очень тяжело зорплаты маленькие». Тема безрадостной жизни возвращается вновь в конце письма: «Охота поесть чего нибудь хорошинькова и нечего хоть и двое работают но толки мало все дорогое ничего не купишь» [13, с. 398-399].

Сложно не обратить внимания на недостаток «сладкого» (сахара) в рационе горожан, о котором говорится в значительном числе писем. Родители Н.Н. Шибанова из Кандалакши (Мурманская область) просят сына выслать им хотя бы кусочек сахара, жалуясь на отсутствие такового как будто бы с юмором («просто шутка с горя»). Однако вкупе с другими обозначенными в письме проблемами прозрачно, что недостаток сахара – тема отнюдь не шуточная. Фраза «хлеба пока терпимо» – из числа позитивных в данном письме, а вот начальная его сентенция («дома у нас пока ничего хотя очень трудно») наиболее реалистично отражает обстановку в семье родителей красноармейца. Собственно, перед нами уже «продукт» реализации некоего «принципа», которым вынужденно руководствовались большинство советских людей в довоенное десятилетие. Суть его – в неприязнательности и готовности умерять потребности, соотнося их с современными возможностями системы снабжения, международной обстановкой и любыми другими факторами, которых всегда, что называется, хватало. Однако следует понимать, что и у умеренности есть свои границы, а также то, что жизненного тонаса людям она не добавляла.

География писем с жалобами на недостатки материального плана (прежде всего, в еде и носильных вещах) настолько широкая, что напрашивается вывод о тотальной бедности горожан. «Коле пальтишка незнаем как справить хотит крытаю шубу перешить только хорошаго нечего не получится» – сообщает из Челябинска отец красноармейца. Тема верхней одежды для младшего брата военнослужащего настолько важна для семьи, что вслед за отцом ее поднимает и мать: «У Коли нет зимней одежи пинжечичка плохой незнаю как он окончит семилетку» [13, с. 406-407]. Иногда родные не стеснялись попросить у красноармейца разрешения носить его гражданскую одежду, так как иного выхода у них, похоже, не было. Показательно в этом смысле письмо П.М. Чиркову от брата из Перми: «Павел я тебя хочу спросить одно разрешение. Ты приедешь домой или нет? Это[му] мешаает международное положение. Прошу тебе написать домой письмо и если тебе свитру не надо то скажи в письме отдать мне свитру. Прошу, а то у меня носить совсем нечего» [13, с. 502].

Уход в армию главы семейства порой кардинально отражался на бюджете семьи, как, например, в случае Гавриловых из Ворошиловграда (Украинская ССР). Жена командира взвода А.П. Гаврилова с горечью сообщала ему, что его «дорогая симья» (в лице ее самой и двоих сыновей) сильно бедствует, так как зарплаты машинистки в 270 руб. на жизнь не хватает.

«...тибя адели и абули а дети ходять босои я не успеваю зарабатывать на питания» – такую безнадежную картину обрисовывала мужу Клавдия Гаврилова [13, с. 315-316].

Проблема заключалась еще и в том, что сами красноармейцы порой обращались к своим семьям за материальной поддержкой. Те готовы были привычно «затянуть пояса», но ресурсов на это практически не было. На просьбу сына помочь деньгами жительница Костромы сообщала, что денег нет, но обещала их выручить за облигации, которые будут принимать с 15 декабря, и сразу же выслать. Примечательно, что в свое письмо она вложила 3 рубля, причем 1 рубль был выигран ею в лото [13, с. 293].

В целом же, горожане демонстрировали не слишком большую требовательность к сфере снабжения. Ведь даже малейшее улучшение в ней воспринималось ими с заметным позитивом, что, на наш взгляд, в очередной раз служит подтверждением вполне сформировавшейся и закрепившейся в сознании и поведении советского человека непритязательности, скромности запросов. «Хлебом кормят пшеничным и белым, а сегодня и черным вчера говорят давали песок – и сахар <...> с хлебом опять стало хорошо. Хоть и очереди а все же достать можно», – такими новостями с «продовольственного фронта» радовала мужа жительница Кандалакши [13, с. 499-500].

Смирение по поводу невысокого уровня материальной обеспеченности проглядывает, к примеру, в том, что озвученные в том или ином письме низкие доходы отнюдь не обязательно провоцируют жалобы на жизнь. «Я сычас работаю не плохо и не хорошо получаю две сотни в месяц и бувая и больше» – сообщал брату Кузьма Копаев из Воронежа. То, насколько сложно жилось лично ему и остальной родне военнослужащего Николая Копаева, служившего в разведывательной роте 273-го Стрелкового полка, становится ясно из «истории» о том, как и когда они смогут откликнуться на просьбу красноармейца о посылке совершенно элементарной носильной вещи: «...ты говориш что тебе нужны чулки мы тебе пришлем как вот Серега получит деньги 20 числа и так мы пришлем тебе и чулки и еще что нибудь ато он мне должен 80 рублей и поэтому уменя сычас нет денег я получу тоже 26 ноября 100 рублей и могу тогда послать и без сереги» [13, с. 369]. Другим примером может служить рядовая покупка валенок, превратившаяся в целое «событие», во-первых, потому что обошлись эти четыре пары, исходя из доходов, «дорого», а, во-вторых, в преддверии зимы в них следовало обуть всю семью. Поэтому брату в армию полетело из Тулы письмо, что «папашкины» валенки вышли дороже всех – 200 руб., «мамкины» и автора письма (сестры) – по 130 руб., ну а младшему брату валенки были куплены за 120 руб. [13, с. 351].

Но даже если описание быта семьи производит более-менее благополучное впечатление («мы корову зарезали для себя и другую купили за 1000 руб. корму запасли»), то оно рискует быть «смазанным» каким-нибудь финальным аккордом вроде следующего: «У нас насчет сладкого бывають перебои и насчет водки тоже плохо <...> девчонкам нужны пальто и обувь а достать негде и портных нет» (от отца, из г. Рыбинска) [13, с. 294].

В целом, анализ корреспонденции из совершенно разных частей страны, что называется, «чересчур часто» дает почувствовать угнетенность авторов, их тотальную погруженность в житейские дела (точнее, в проблемы каждодневного выживания). Хотя родные и близкие старались, по возможности, поддержать моральный дух военнослужащих, однако выдержать оптимистичный тон достаточно долго (на протяжении всего письма) удавалось немногим.

*

Основным источником информации являлось радио: «Мы знаем что у вас делается порадиво» (от матери, из г. Воронежа) [13, с. 295]. Но радиосообщения излагались и трактовались горожанами по-своему, от чего представления об обстановке на фронте яснее не становились. «...Ну уж болело сердце до 26.11 а теперь просто захватывает кто что скажет, речи по радио кто как понимает и я слышу уже искаженную речь бабами по разному», – сетовала в письме мужу Дуня Хромова из Кандалакши [13, с. 500]. Вообще радио и газеты изъяснялись туманно; судьбу или местонахождение родных из числа военнослужащих выяснить на их основе не представлялось возможным. Многие женщины отказывались строить планы на будущее до наступления определенности насчет положения сына или мужа. «Если тебя не будет то и меня не будет» – писала 1.12.1939 г. мать Павла Болховитинова из Воронежа. И все-таки выражала надежду на счастливый исход: «Может тебя дождусь и моя жизнь будет другая» [13, с. 295].

Итак, будущее связывалось с благополучным разрешением настоящей ситуации – возвращением родного человека домой живым и здоровым. Жительница Новоржева

причитала: «Дорогой муженек <...> всем нам жаль тебя что ты там душеньку свою мучаешь, страдаешь за нас, мы хотя в тепле плачем, а ты там страдаешь. Хотя бы сберег бы ты себя, пожилиба с тобой по больше. Вася, если может быть что можно послать тебе свинины или послать денег. Вася все так дома тихо и сохранно, можно жить, только тебя нет. <...> Целую тебя 1000 000 000 000 раз». Чуть ранее в этом же письме женщина сообщала, что собирается просить помощи у Бога: «Вася, милый, дорогой, ты мой муженек не ужели мы с тобой последний раз в жизни прощались и больше не увидимся, нет мы будем за тебя просить Христа ради, что бы ты был ба жив» [13, с. 427-428].

Свидетельств об обращении в подобных ситуациях к религии немало. «Спасибо тебя Господь и дядю Ваню, спаси вас господи мама вся изревелась об вас, просто сума старушка сходит» – причитала в письме мужу от 1 декабря 1939 г. Дуня Хромова, жительница Кандалакши [13, с. 500]. «Сынок мой дорогой стою перед господом богом и прошу скорбящей божей матери чтобы огленилась она на нас дождатся мне тебя тихо и благополучно», – писала мать сыну-красноармейцу из Новгорода. А невестка, сделавшая свою приписку к этому письму, вторила ей: «Павлуша оставши мы одне бабы плачем и горюем и все богу молим о вас чтобы вам господь помог дождатца своего конца» [13, с. 450-451].

Но состояние неопределенности для семей многих военнослужащих наступило отнюдь не в конце ноября, а длилось уже месяцы. Об этом читаем в письме упомянутой выше Дуни Хромовой: «Теперь ежедневно по радио слышим новости, о международной обстановке, вот как получилось вместо 10 дней, три месяца, а когда всему конец и быть дома невидно и краю, дело затягивается, бандиты ввели в войну немало наверно на протяжении первых 20 км. осталось погибшими, бедные люди – солдатики, из за толстопузых фашистов приходится проливать кровь невинных людей наших красноармейцев, много слез и горя кругом, и особенно теперь когда услышали что наши пошли в наступление на финнов, из этого можно думать, что домой долго не отпустят только бы не попасть в плен». Женщину, писавшую свое письмо 1 декабря 1939 г. (и именно в этот день она и другие ее знакомые, по предварительной договоренности, ждали возвращения мужей домой), не обнадеживали новости из семей родных и близких: «От Ивана Ст. тоже было письмо, писано 23 ноябр[я] велел Рогозину оставить пива, скоро говорит домой буду. Не знаю теперь после этих событий жив ли он, обстрел был как раз в том районе где стояли они» [13, с. 498-499].

В связи с началом войны в прессе «раскручивалась» тема героизма; отголоски ее попадали и в письма. Маленькая жительница Воронежа на второй день от начала войны с Финляндией просила своего дядю: «Быть на своем посту героем. Я буду рада что мой Дядя будит советский герой» [13, с. 295]. Девятиклассник из Тамбова настоятельно советовал старшему брату, находящемуся на срочной службе, поскорее «записаться в комсомол и быть примерным бойцом в Р.К.К.А.». Сам подросток отреагировал на поворот в советско-финляндских отношениях общественно значимым поступком. О нем и своих переживаниях сообщил так: «Шура, если можно, то напиши, что у вас там с Финляндией. – Я как только услышал, что Финляндия лезет со своим свиным рылом в наш Советский огород, я тут же стал к ним питать ненависть. И ответил на это тем, что поступил в комсомол» [13, с. 315].

Но, в отличие от младшего поколения, жены и матери насчет мужества и стойкости в армию ничего не писали, а просто заклинали вернуться живыми: «Если будешь участвовать в бою то быть живым это для меня самое главное» (от жены, из Тамбова) [13, с. 307]. Уповая на божественное расположение, мать Павла Прокофьева желала сыну «благополучно отслужить свой срок вы полнить долг тихо и благополучно и вернутся домой здоровому и счастливому» [13, с. 450].

Снедаемые страхами, женщины даже пытались давать советы, как вести себя на фронте. Жительница г. Череповца Вологодской области, услышавшая про радио, что финны «езде ставят мины и очен много получаеца взрывов», просила мужа: «Федя ты как нибудь а оставайся взади анеходи наперет если кто идет позади то хот и будет взрыв но задние все могут отбежать иостаца живым» [13, с. 322]. Дуня Хромова из Кандалакши советовала мужу, который служил шофером, не ездить в рейс в одиночку: «...убьют паразиты, а не один все таки лучьше» [13, с. 500].

Но «знаки войны» в скором времени появились и в самих близких к линии фронта городах. Жительница Ораниенбаума (Ленинградская область) описывала брату, как «с 30-го [ноября] самолеты летят на финляндию через наш город». Мелькающие по ночам за

Кронштадтом огни выстрелов, которые, к тому же, были и слышны, пугали людей. Они вскакивали с кроватей, всматривались в окна [13, с. 425].

Не заставили себя ждать и самые страшные последствия начавшейся войны – человеческие жертвы. Уже 11 декабря 1939 г. жена Валя писала из Кандалакши в разведроту 273 стрелкового полка Андрею Ивановичу Маркову: «Андрюша у нас сегодня 9 декабря привизли от вас зграницы 14 человек убитых и нас смотрят ни пустили кого привизли низнаем...». На этом фоне неизвестность о муже-красноармейце было особенно тягостной, и женщина заранее оплакивала свою судьбу «жить одной». «Щаслива» она могла бы быть («а тагжо мой ребенок»), по собственным, не единожды повторенным словам, только если ее Андрюша останется жив. А пока всепоглощающее беспокойство не давало даже написать нормальное письмо: «...писат я ничего нимогу потому что расстроена и голова ниработает и забываю чего пишу...» [13, с. 401].

Начало войны изменило облик некоторых городов, перестроило их жизнь под нужды военного времени. Жительница Череповца рассказывала мужу: «Федя ти бы знал что унас сичас творица все школи болшие заняты верх иниз все и торксин тоже магазина нету и вера где учила[сь] все заняли и книжный магазин напротиф торксина тоже заняли имного других школ почти полгорода все занято под лазарети и о[то]брали всех врачей исестер из болници фсеа мобилизовани». Естественно, беспокойство женщины, муж которой находился на фронте, под воздействием этих подвижек только усиливалось: «Федя я даже теперя немогу спать поночам толко засну помаленко и сразу просипаюсь и опять вголове все мысли всякие ходят все все передумаю и сни все сняца худие незнаю и что хотя ти би скорей приехал кончилос би все скорей». Все письмо этой женщины, – Елизаветы Григорьевны Горшковой, – насквозь тревожное, она максимально сконцентрирована на теме судьбы мужа и ничего не способна делать: «...не вижу свету плачу иесли я еще наето писмо неполучу никакова ответа то кажеца небуду жить насвете если толко что случица стобой Федя я теперя каждый день сижу ислушаю радио до 12 часов ночи идаже долше сижу и утром опять в 6 часов включаю радио ислушаю известе что передают ивот почемуто оне непередают сколко наших красноармейцев погигло или еще они незнают сами а просамолети сказали что наших два невернулис насвое место а финския 10 невернуло» [13, с. 322].

*

О собственной повседневности горожане зачастую высказывались крайне скупно («сама жива», «мы живем»). Объяснить это можно характером переписки с военнослужащими, находившимися уже на фронте, испытывавшими смертельную опасность. С другой стороны, немало оснований предполагать, что реалии жизни корреспондентов не стоили особого описания, а порой – могли бы даже вызвать расстройство адресатов («у нас нового нет ничего, а худого много»); поэтому подробности непростой жизни в письмах «опускались» [13, с. 400, 414, 488].

Личностные особенности корреспондента также накладывали отпечаток на содержание послания. Так, весьма немудреная схема повседневной жизни предстает в письме из Мариуполя (Украинская ССР), вероятно, от товарища по работе. Отвечая на вопрос «Как живем в Мариуполе», он был краток: «Слесарим на заводе». Далее повествовал о печально закончившихся развлечениях, которые произошли полгода назад, но, очевидно, врезались в память результатами: «6 мая я поругался с бабами и поехал в город <...> и забухал у меня вытащили деньги двести рублей и паспорт». Жизненное кредо корреспондента выражено в последних строках письма: «Бухаем лапать и кушать пока чета есть жив и здоров чего и тебе желаем» [13, с. 285-286].

Ряд писем проявляет процессы перетекания сельских жителей в города, и, соответственно, переживания по этому поводу. Жена брата красноармейца Андрея Варламова рассказывает, как их семье пришлось вынужденно покинуть родные места, съехать от отца по его требованию («отец сказал что бы я с им он сомной разошелся ну общим я описать не буду это уже все прошло»), и так, сначала она с сестрой, а через полгода и муж перебрались с Украины в Читу (Читинская область). Эта перемена положительно отразилась на материальном благосостоянии данной семьи, и хотя жить пока приходилось у читинских родственников, но работа у всех была; муж, например, получил за октябрь 900 руб., причем его рабочий день был нормированным – с 8 до 17 ч. с перерывом на обед. «Мы жывем на все сто процентов» – с оптимизмом заявляла женщина, а также настойчиво приглашала Андрея после увольнения из армии ехать прямо в

Читу. Другое письмо, полученное Андреем Варламовым несколько позже уже от самого брата, подтверждает позитивное настроение «новых» жителей Читы. Выясняются подробности: брат «отлично» работает автослесарем 6-го разряда в гараже Горкоммунтранса (зарплата за ноябрь составила уже 1000 руб.), а его жена – секретарем в конторе Шахтонефтелеса (зарплата – 350 руб.). «Жуву хорошо ожидаю ище лучше» – пишет брат красноармейца. Он тоже описывает Читу как город, где не трудно найти работу, что, очевидно, является главным фактором в пользу жизни здесь: «...работы сто пудов и какой хочиш вед здес очен трудно нащот рабочих прямо агенты ходят и прямо пириманует к себе на работу а особено колефицированных почти совершенно нет вед меня приняли без никаких документов давай только работай а как я показал что могу работат быстро и хорошо так прямо они так мной дорожат». Брат также активно склоняет Андрея Варламова переехать после службы в Читу («ед сюда на украине не оставайся ед ед ед и еще раз ед только сюда»), обещает дать денег на дорогу [13, с. 300-302].

К сожалению, подобные письма о денежной работе почти не встречаются. Чаще горожане сообщают о работе тяжелой физически и малооплачиваемой. «Мать поступила вшколу мыть полы работа тяжелая 2 раз в 5 дневки 8 классов и 2 колидори» (от отца, из Челябинска). Собственно, сама мать отдельным письмом подтверждает тяготы работы школьной уборщицы; выясняется, что с прежней работы (на стройке) ей пришлось уйти, т.к. зимой работать там стало слишком холодно [13, с. 406].

Впрочем, были те, кому удавалось «крутиться» и в какой-то степени решать материальные проблемы и без выхода на работу. Так, жительница Владивостока (Приморский край), мать двух дочек-малышек, на призывы мужа поискать работу отвечала уклончиво (мол, об этом «думаю и нидумаю»). Дело в том, что она сдавала комнату («пускаю фызыушников 4 койки по 30 руб. и за чай 20 руб. 140 руб.»), к чему добавляла «за детей 40 [руб.]», а также имела прибыль на перепродаже ситца. Похоже, женщине удавалось справляться без мужа и без выхода на работу, так как она с оптимизмом подытоживала: «...и на ето всех кормлю» [13, с. 541].

*

Безусловно, по частоте упоминаний в письмах лидирует рутинное, связанное с домашними хозяйственными делами и работой на производстве (где и как это происходит, что за это платят и пр.). Казалось бы, тем интереснее встретить упоминание о праздничных днях и о том, как их проводили горожане. Однако здесь мы испытываем, скорее, разочарование, поскольку праздники представляются (по крайней мере, по письмам) не особенно отличными от будней. К примеру, родственники красноармейца Алексея Видонкина описывают, как они отметили праздник Октябрьской революции дома, в Липецке. «Праздник провели не особенно весело хотя было что выпить и чем закусить» – сообщает брат Алексея. Поясняет, что праздничного настроения не было из-за болезни матери (простудившись, она стала буквально «бредить» сыном, находившимся в армии, и врач настоятельно посоветовал вызвать его оттуда), а также из-за больших переработок на производстве. Автор письма сообщает, с 18 октября работал «без отдыха и выходных» (огромный объем работы на заводе не позволял ему приезжать домой раньше 9–10 часов вечера), а в сам праздник из-за дежурства он даже не попал на демонстрацию. Впрочем, вскоре ожидался его личный праздник («Аня вот вот наверное будет матерью, а я отцом!!!»), и это единственный позитивный сюжет данного письма [13, с. 312].

Очевидно, что праздники могли провоцировать обострение таких проблем как пьянство и безденежье. Мать красноармейца, призванного из Костромы, держала его в курсе поведения брата Александра, который и так «живет никуда не годится», а в праздничные дни и вовсе стал неуправляем. «Накануне праздника Октябрьской [революции] пошел в город, – сообщала мать, – я ему отдала последние деньги 30 рублей что-нибудь купить на праздник он пришел ночью домой не принес ни денег ничего все прогулял я ему сшила рубаху на праздник рубаху снес на базар а деньги пропил с праздника получил получку 90 руб. а домой пришел без денег не принес ни одной копейки и сказал что ограбили на дороге». После получения аванса на работе Александр, как пишет мать, совсем пропал из виду, и поэтому она спрашивает совета у старшего сына, как с ним быть («что мне с ним делать я его никогда не ругаю все прошу его честно но он никак не понимает») [13, с. 293].

Вообще досуговые практики горожан разнообразием не отличались. На интеллектуальный рост они, по-видимому, тоже ориентированы не были; в своей основной

массе, люди предпочитали отдых в простых формах, расслабляющий после тяжелой работы, развлекающий. О таком векторе свидетельствует, с одной стороны, отсутствие упоминаний в переписке о прочитанных книгах, походах в библиотеки либо кружки, а с другой – распространенные рассказы о немудреных прогулках по улицам города (часто – «с гармошкой»). По тональности рассказов чувствуется, что именно такой променад был особенно желанным свободным времяпровождением провинциальных горожан. В плане развлечений молодые люди также описывают нехитрые «вечорки у девчат из техникума» (от брата, из Подольска) [13, с. 432]. Прогулки с «вечорками» особенно часто и тепло упоминаются в письмах юношей, недавно возвратившихся со срочной службы. Так, демобилизованный из армии Наседкин вернулся в Ярославль, поступил на работу, но главное – мог теперь проводить свободное время по своему усмотрению, в «виселистве» (т.е. в веселье). Особенно его вдохновляло большое количество в городе девушек, которых, как шутил Наседкин, «туто их хоть волгу топи и неперетопиш» [13, с. 417].

Однако, в целом, для молодежи проблема развлечений (а заодно и устройства личной жизни) обострилась ввиду мобилизации и развертывания военных действий с Финляндией. «Работаем, да гуляем, только тем плохо, что не скем, взяли от нас всех мальчишек» – такая информация проходит пунктирно через многие письма [13, с. 451]. Дефицит молодых людей заставлял девушек скучать, о чем жаловалась другу жительница г. Мичуринска Тамбовской области: «Время провожу не особенно хорошо, хвалиться особенно неприходится. Ребят призвали в армию, остались исключительно одни девчата и мальчишки лет 16-17 а без молодежи какое может быть развлечение или же не секрет самые лучшие ребята в Рабоче-Крестьянской Красной армии <...> а поэтому жизнь идет не очень весело...» [13, с. 408]. Жительница Ораниенбаума зафиксировала аналогичную обстановку в своем городе. Сходив с подругой в клуб, она посмотрела там комедию «У берегов Амура», но вот потанцевать девушкам не удалось («одне почти девчата были, а парни малодые, так что танцевать мне и непришлось») [13, с. 425]. Нехватка лиц мужского пола могла подтолкнуть девушку к смене места жительства. По крайней мере, именно так объясняет житель Брянска (Западная область) В. Никущенко ситуацию с некой Мотей: «...мотя в'ехала в Москву <...> тут нету ребят дак она в'ехала туда» [13, с. 427].

*

Известным источником эмоций являются любовные коллизии. И если состоявшие в браке женщины обладали прочным статусом (хотя и здесь случались иные «варианты», о чем скажем ниже) и могли поддерживать тесную и искреннюю эмоциональную связь со своими мужьями, то за некоторыми ушедшими в армию мужчинами тянулся шлейф романов, что обуславливало шаткость положения их подруг (невест), негативные переживания в жизни этих женщин. Душевные волнения такого свойства зачастую провоцировались общественным мнением (в форме сплетен, пересудов и пр.), которое выступало, по сути, пережитком традиционности, однако весьма влиятельным. Зависимость от «людского мнения» была существенна, о чем можно догадаться из ряда замечаний, к примеру, такого: «...народ нынче скажи слово своробышка и развезут целую корову» (от отца, г. Пошехонье) [13, с. 378].

Тема оценки со стороны окружающих была особенно чувствительна для женского пола. Его представительницы нередко пытались обелить себя перед знакомыми парнями, оказавшимися в РККА, именно от активно циркулировавших в переписке сплетен и наговоров. Некоторые делали это с большим драматизмом, а Е. Никулина из Мичуринска, очевидно, желавшая сменить положение «знакомой» красноармейца Павла Моличева на статус его невесты, на наш взгляд, весьма талантливо. Витиеватый маневр, завершивший ее послание, вряд ли оставил парня равнодушным: «...сейчас остались только одни воспоминания от прежних прожитых дней, которые теперь не возвратятся обратно, и в особенности нынешнее лето целиком которое могла бы я написать подробнее но нет целесообразности или же возможно это вам уже не интересно а может быть и все может быть что вы Паша приняли в серьез то что вам писал ваш брат Коля, ведь я думаю что вы меня мало-мальски знали какая я была <...> а между прочим смотрите вам виднее, а то подумаете мол навязывается...» [13, с. 408].

В коллекции Зензинова не единожды встречаются письма от женщин, которые подписываются «знакомая жена» или подобным образом, и становится ясно, что это подруги, с которыми у военнослужащих в свое время, еще в гражданской жизни сложились отношения

(скорее всего, выходящие за рамки платонических), стремящиеся напомнить о себе и гарантировать продолжение интимной связи в перспективе. Женщины проявляют разную степень настойчивости, прося или требуя регулярной переписки и каких-то теплых слов. Так, Евгения Петровна Ганченкова из Кандалакши в письме Владимиру Васильевичу Белику как может («писать красиво не умею») восстанавливает картину их отношений: «...ты сам Володя знаешь как я тебя люблю вспомни милый как гуляли шли мы по дорожке ты играл а я пела». Ганченкова подчеркивает, что скучает, и особенно – свою верность («я живу очень плохо нет тебя все девчата говорят гуляй с другим ну а я с тобой не расстанусь»). В завершении еще раз муссирует тему романтических прогулок и передает привет «ото всех девок» [13, с. 292].

На самом деле, женщины порой были сильно сконцентрированы на отношениях, которые у них с мужчинами завязались, но из-за ухода последних в армию замерли в состоянии неопределенности. Находившаяся в подобной ситуации женщина обычно пыталась «правдами и неправдами» заполучить координаты искомого молодого человека, что порождало скандалы с его семьей. Перипетии такой истории излагает брату житель г. Ростова Ярославской области: «...о твоей Маше она как будто живет одна с твоим сыном, а от того [мужчины] ребенок помер, как то раз она привязалась к моей Маше еще весной скажи Митин адрес, а та говорит я откуда знаю, ну если не скажешь то в милиции посадят всех братьей так добьются скажут моя ее и послала на три буквы с тех пор и ходят как буки вся наша родня с ней незнается» [13, с. 429].

Скоропалительность заключения брака накануне ухода мужчины в армию также порождала свои проблемы, усугубленные началом войны и туманными, в свете этого, перспективами молодой семьи. Жительница Кандалакши Анастасия Черябушкина отвечала 8 декабря 1939 г. на письмо мужа, Александра Ивановича Федорова: «Саша ты пишешь думаю ли я чего по отношению к тебе. Саша как же мне не думать если б я не выходила замуж и не знала тебя тогда бы я конечно ничего не думала а раз вышла то теперь нужно думать и сколько я думаю ты об этом не знаешь и ты меня ругаешь что я тебе не шлю письма Саша ведь я в этом не виновата что они не доходят и я твои тоже не получаю и в этом никто не виноват Саша ты пишешь я обиделась что ты уехал я об этом даже ничего и не думаю я знаю сама что ты уехал ни по своему желанию». О том, что брак был поспешным и не вполне обдуманным, свидетельствует упоминание о настороженном отношении к нему матери Анастасии: «Прислала мне мама из деревни письмо тебе привет хотя говорит я его не знаю но привет ему напиши ругать она меня не ругала а только рано говорит вышла нужно бы нимношко подождать а я ей написала теперь уже нечего ждать а раз вышла то теперь уж буду жить». Влюбленность Анастасии в мужа передают не только многочисленные прощальные поцелуи, но и сентиментальное стихотворение (а стихи, особенно нешаблонные, в переписке рассматриваемого времени встречаются нечасто):

«Я на белиньком листочке
только Саша для тебя
напишу четыре слова
что люблю люблю тебя

Тебя любить я вечно буду
поверь же слову моему
что вас люблю и не забуду
верна я слову своему

я каждый день порою плачу
лишь потому что я люблю
я вас люблю любить и буду
а нет умру я от любви

Когда луч солнечный забьется
когда потреснет вся земля
и небо с треском разорвется
тогда забуду я тебя

Привет любезный посылаю
И целую много раз
всего хорошего желаю
и много думаю о вас» [13, с. 489-490].

Стоит указать на тот факт, что красноармеец Александр Федоров параллельно получал письма еще от одной молодой особы, которая называла его «мужем», а к тому же – отцом своего ребенка. Ксения Федорова из г. Загорска жаловалась на полную безответность своих посланий к Александру, и продолжала проявлять настойчивость в налаживании контактов с ним. «Добрый день милой шура, – писала Ксения, – шлю я свой пламенный привет и крепко целую дорогой шура прежде всего интересно узнать почему неотвечаешь на мои письма или же не получаешь или же начиво осерчал но я так думаю что я тебя не одним словом не огорчала <...> может ты обиделся зато что я послала письмо в част[ь] но на это сердчать не стоит лишь потому что знаешь какое было время можно было располагать навсе [думать, тревожиться – И.Т.] я писала несумьшенности я для тебя плохова некогда не хочу я жду тебя как мужа всегда об тебе беспокоюсь а в особенности в настоящее время только слезами обливаешься и неприходишь мечтать о том что увидишься стобой и Аличке очевидно не зная своего папу послушаешь по радио что творится на свете даже жить не хочешь». Далее женщина, не получавшая писем от Александра с октября, взывала если не к его совести, то хотя бы к сочувствию: «...я тебя прошу и умоляю как любимого своего друга напиши мне хоть 2 слова о том что жив я тем буду довольна шура неужли у тебя так охолодало сердце мне что даже противно мне написать письма шура веть ты прекрасно знаешь мою жизнь узнаешь что у нас есть ребенок и ты даже не спросишь обним шура <...> ответь хоть 2 слова досвиданье целую ксюша» [13, с. 490].

Мукам любви порой сопереживала вся семья. Так, отец военврача А. Мельникова, проживавший в Челябинске, докладывал сыну о перипетиях любовной истории дочери (сестры военнослужащего). «У Наташки что то случилось с женихом неладно наверно скрылся...» – предполагал отец. Мать продолжала эту тему с тревогой за жизнь брошенной невесты: «...а Наташа только плачет жалко ее вышло не складно чтобы надсобой [ничего] не сделала» [13, с. 406].

Эпистолярные источники позволяют сделать определенные выводы о нравах, в частности, о границах допустимого в поведении мужчин и женщин. Так, мать пишет из Костромы сыну Василию, что сестра его слишком много «гуляет»: «Связалась с Ленкой Гудковой ходят каждый выходной в город. Гуляют с военным[и] и эти военные ходят часто к нам я ее ругала и бить начинала и все равно впустую она мне сказала все равно гулять буду». Тем не менее, женщина неожиданно резюмирует, что дочка все-таки гуляет «похорошему», поскольку ее кавалер внушает доверие, просил не ругаться и рассказывал о своих серьезных планах на жизнь [13, с. 293].

Вообще эпистолярным источникам свойственно смешение тем, и любовная редко выступает как самостоятельная. Люди излагают свои мысли довольно сумбурно, переплетая хозяйственно-бытовые заботы с обсуждением международных проблем, пересуды о знакомых – с тревогами за жизнь и здоровье. Письмо, полностью посвященное обсуждению чувственной стороны отношений мужчины и женщины, обнаружить нелегко, и отсюда – наше особое внимание подобному посланию. Автор последнего – жительница города в Орловской области, работающая в детском саду. Женщина пишет мужу Владимиру, о котором известно, что был заместителем политрука в 273 стрелковом полку. Она тяготится скукой на работе (в детсаду санитарный день), и, действительно, рассуждает в своем письме на отнюдь не «проходные» темы отношений между полами, которые, тем не менее, в письменном общении рассматриваемого времени практически не фигурируют. «Вовочка, как хочется к тебе опять, – пишет эта женщина. – Хочется посидеть у тебя на коленях, целовать, целовать тебя без конца. Неужли нам не придется снова встретиться? Это будет очень плохо. Я иногда часто вечерами вспоминаю, как мы с тобой проводили время. Все для нас тогда было ново, таинственно и интересно. Верно семейная наша жизнь была помешена этими идиотами. Но зато то время когда мы с тобой гуляли, оно часто, часто всплывает передо мной. И вот когда все это продумаю и вдруг с тобой чего случится. Мне кажется я

никогда ни с кем не буду проводить время. Мне уже будет противно с ним ходить так как когда все неизвестно то к таинственному стремишься а поскольку мне все знакомо я думаю и противно будет с мужчинами ходить. Все это гадко. Этого я никогда кажется не допущу. А если будет ребенок, то и совсем больше ничего мне не надо, он заменит мне все. Так что милый, в этом отношении будь спокоен» [13, с. 502-503].

Удивительно, как деликатно и трепетно автор процитированного письма затронула сразу несколько тем, небезразличных, как мы знаем, «человеку воюющему» [14, с. 119]. Во-первых, женщина «проговорила» тему секса; хотя и иносказательно, но достаточно ясно дала понять своему партнеру, как дорожит тем, что было у них в данной сфере. Во-вторых, она ответила на едва ли не главный вопрос мужчины, отсутствующего в своей семье достаточно длительное время, и, не исключено, обреченного погибнуть. Жена Владимира уверила его в своей верности, которую гипотетически готова была хранить и в случае его смерти. Нам неизвестно, отвечала ли этим письмом женщина на конкретные вопросы мужа (текст, скорее, похож на свободные размышления, а не на желание что-то доказать другой стороне), но, думается, подобные слова хотели бы получить от своих любимых женщин многие мужчины, находившиеся на фронте.

Порой женщины объяснялись в своих чувствах проще, без напрасного «копания» в том, что было бы с их личной жизнью, погибни муж на войне. Жительница Владивостока, мать двоих детей, обещала своего «милочка Петю» по его возвращении немедленно «разорвать» («но любя»), потому что очень сильно по нему соскучилась. Несмотря на наличие на руках маленьких дочек (в возрасте до 3-х лет), эта женщина готова была ехать ради мига встречи с мужем куда угодно. Она ходила в военкомат узнать «жив или нет» муж, и там получила следующий ответ начальника: «Если будит убит то тебе известят через месяц а сейчас ты небеспокойся». Но «высохшая» от тоски женщина, которая нигде не могла «найти места» и неотступно мечтала, что по возвращении домой обязательно увидит там мужа, предпочитала действовать. Она предлагала мужу похлопотать, чтобы его отпустили; для этого собиралась «письмо облит слезами», а также сделать справки о своем житье и здоровье, причем поставить на этих документах резолюцию какого-то «начальника» [13, с. 541].

Отдельные женские письма открывают те глубокие переживания, которые испытывали, хотя, не исключено, не «проговаривали» женщины своим любимым в былые мирные дни. «Жонка Маруся» была автором именно такого нежного, ласкового, лиричного письма своему «муженечку Ванюше» (Егорову Ивану Семеновичу, призванному из Путивля). Свои переживания о муже женщина изложила на нескольких листах школьной тетради: «...на сердце [у меня]: где ты и что делаешь. Ванюша, чтоже я стала так скучать по тебе, готова лишиться жизни, но глянуть на тебя. <...> Ваня, все получше ты должен описать и в письмо положи что либо хотя [бы] сухой прутик со своей местности я рассмотрю его как тебя». Женщина проявляла интерес к армейской жизни Ивана, забрасывая вопросами, по сути, прояснявшими его нынешнее отношение к ней самой: «Ванек, пропиши мне: кто твои товарищи, как их зовут? Дружно ли вам живется? много ли вы горюете женаты ли они у тебя или нет? и все ли так забыли жен, как ты? часто шлют им жены письма или нет где и чем они работают?» О своих друзьях Маруся сообщала, что таковых не имеет, так как боится потерять его: «...если я лешусь тебя, то товарища и друга для своей жизни я всегда найду, а мужа никогда ты в меня первый и последний в жизни муж» [13, с. 333-334]. Письмо этой жительницы Путивля не лишено эротизма, что отнюдь не является характерной чертой супружеской переписки конца 1930-х и последующего времени.

Заключение

Благодаря коллекции писем, опубликованной русским историком В.М. Зензиновым семьдесят лет назад, мы располагаем значительным массивом эпистолярных документов, относящихся к начальному периоду советско-финской войны. Переписка, связывавшая воинов Красной армии и их родных и близких в ноябре-декабре 1939 г., включает в себе огромный потенциал для изучения реалий раннесоветского периода. В представленной работе мы рассматривали эмоциональную составляющую повседневности жителей провинциальных городов СССР как аспект, который до сих пор практически не затрагивался в исторических исследованиях, но который способен проявить настроения и жизненный тонус советских людей накануне испытаний Великой Отечественной войны.

Частная переписка конца 1939 г. между красноармейцами и их корреспондентами, проживавшими в провинциальных городах Советского Союза, являлась не только средством информационного обмена, но и взаимообмена эмоционального. Как мы уже отмечали относительно переписки периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [15, с. 7], письменное общение выступало фактором синхронизации событий жизни близких друг другу людей, вынужденно находившихся в разлуке на протяжении длительного времени. Письма во многом были нацелены на передачу определенного «эмоционального заряда», что проявлялось, в том числе, в формальных моментах, например, в шаблонах-приветствиях. Что касается последних, то характерно, что такого рода «заряд» своим оптимизмом зачастую контрастировал с основным содержанием письма. Но, помимо формальных моментов, в переписке отчетливо выделяются «эмоциональные узлы», связанные, главным образом, с переживаниями текущей повседневной жизни горожан (контекст тягот и лишений) и наиболее критичным для авторов данных конкретных писем (родных и друзей красноармейцев) внешним фактором, которым стало начало советско-финской войны.

Отсутствие нормального снабжения продуктами питания и промтоварами было, что называется, чувствительно для горожан. Их жизнь, проходившая под знаком материального неблагополучия и неуверенности в завтрашнем дне (при минимальной зарплате, дефиците сладостей и носильной одежды, отсутствии дров на будущую неделю и пр.), оставляет ощущение если не абсолютно безрадостного, то тусклого существования, чем-то напоминающего нехватку света в комнате.

В ряде случаев проявляется расхождение между ожидаемыми (желанными) эмоциями и реальным душевным состоянием. Так, очевидно, что люди, погруженные в будничную рутину, живут ожиданием праздников. Однако, во-первых, число их невелико (симптоматично почти полное отсутствие упоминаний личных либо семейных праздников). А, во-вторых, наступление главного для данного отрезка времени праздничного события, – 22-ой годовщины Октябрьской революции, – радости не приносит (нет денег на организацию застолья, отсутствует настроение или его портят живущие рядом родственники). Безрадостность повседневности, практически лишенной эмоциональных всплесков и событий, выпадающих из рутинного ритма, – это основное, на что обращаешь внимание при знакомстве с перепиской жителей провинциальных городов из коллекции Зензинова. Отсутствие положительных эмоций отчасти объяснимо тревогами за судьбы дорогих людей, которым, возможно, предстоит участвовать в военных действиях против Финляндии (либо уже доподлинно известно, что такое участие происходит). Однако позитивные коннотации крайне редко обнаруживаются даже в той корреспонденции, где для красноармейца освещается суммарно большой временной интервал (например, в несколько месяцев), либо там, где авторы писем вообще еще не подозревают опасного положения военнослужащего срочной службы.

Строки из отдельных писем довольно сильно напоминают послания на «другую» войну – ту, до которой оставалось всего полтора года [14; 16]. И в Великую Отечественную семьи красноармейцев будут терпеть материальные лишения из-за отсутствия основных кормильцев, а жены и матери будут страдать от неизвестности о судьбах любимых мужчин. Сегодня так прозрачно, что письма, написанные на исходе 1939 г. в Красную армию на советско-финскую войну – предвестники страданий войны 1941–1945 гг., хотя, кажется, чаша их была переполнена задолго до нее.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00239 а – «Чувства под контролем: повседневность провинциального города 1920–1930-х гг. в ракурсе культурной истории эмоций».

Примечания:

1. Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций: сб. ст. / под ред. Я. Плампера, Ш. Шахадат, М. Эли. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 11–36.

2. Rosenwein B. *Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context* I. 2010. № 1. P. 2–12; Reddy W. *The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions*. Cambridge, 2001. P. 128–129.

3. Рожков А.Ю. Повседневность провинциального города 1920–1930-х годов в ракурсе культурной истории эмоций: к постановке проблемы // *Личность. Общество. Государство: Проблемы развития и взаимодействия. К 20-летию Законодательного Собрания Краснодарского края: XXVI Адлерские чтения. Материалы международной научно-просветительской конференции, Адлер 3–7 октября 2014 г. Традиция: Краснодар, 2014. С. 217–219.*

4. Кричко Е.Ф., Тажидинова И.Г. Проверенные цензурой: письма военного времени как источник по истории советской повседневности // *Юг России в Великой Отечественной войне: тропы памяти: Сборник научных статей. Краснодар: Изд-во «Эдарт-принт», 2011. С. 131–153.*

5. Письма во власть. 1928–1939 гг.: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я. Лившин. М.: РОССПЭН, 2002. 526 с.

6. Общество и власть. Российская провинция. 1930 г. – июнь 1941 г. Том 2 / Сост. А.А. Кулаков, В.В. Смирнов, Л.П. Колодникова. – М: Институт Российской истории РАН, 2005. 1152 с.

7. Макарова Н.Н. Повседневная жизнь Магнитогорска в 1929–1935 гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010.

8. Макарова Н.Н. Повседневность чувств эпохи форсированной индустриализации (по материалам Магнитогорска 1930-х гг.) // *Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1(43). С. 205–213.*

9. Климочкина А.Ю. Повседневная жизнь российского провинциального города 1930-х гг.: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2007.

10. Корноухова Г.Г. Повседневность и уровень жизни городского населения СССР в 1920–1930-е гг. (На материалах Астраханской области): автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.

11. Тажидинова И.Г. «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!», или О том, как и почему выражалась любовь в письмах вождям в 1930-е гг. // *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия. К 20-летию Законодательного Собрания Краснодарского края. Материалы Всероссийской научно-просветительской конференции, 3–7 октября 2014 г. Краснодар, 2014. С. 255–259.*

12. Тажидинова И.Г. «Мы также хотим жить радостно, как наш любимый Сталин»: эмоциональный срез писем вождям из провинциальных городов СССР (1930-е гг.) // *Русская старина. 2014. № 1. С. 47–60.*

13. Зензинов В.А. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе. Письма в Красную Армию, 1939–1940. Нью-Йорк, 1944. 587 с.

14. Тажидинова И.Г. «Ну вот я на фронте, а ты боялась». Переписка военнослужащих Красной армии с женами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // *Вестник архивиста. 2014. № 2. С. 116–128.*

15. Тажидинова И.Г. Повседневность и эмоциональные переживания человека военного времени в источниках личного происхождения // *Герои терпения. Великая Отечественная война в источниках личного происхождения: сб. документов / ред. – сост. И.Г. Тажидинова. Краснодар: Диапазон-В, 2010. С. 5–18.*

16. Тажидинова И.Г. «Ну вот я на фронте, а ты боялась». Переписка военнослужащих Красной армии с женами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // *Вестник архивиста. 2014. № 1. С. 104–113.*

References:

1. Plamper Ya. *Emotsii v russkoi istorii // Rossiiskaya imperiya chuvstv: Podkhody k kul'turnoi istorii emotsii: sb. st. / pod red. Ya. Plampera, Sh. Shakhadat, M. Eli. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. S. 11–36.*

2. Rosenwein B. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context I. 2010. № 1. P. 2–12; Reddy W. The Navigation of Feeling. A Framework For the History of Emotions. Cambridge, 2001. P. 128–129.
3. Rozhkov A.Yu. Povsednevnost' provintsial'nogo goroda 1920 –1930-kh godov v raketse kul'turnoi istorii emotsii: k postanovke problemy // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo: Problemy razvitiya i vzaimodeistviya. K 20-letiyu Zakonodatel'nogo Sobraniya Krasnodarskogo kraja: XXVI Adlerskie chteniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prosvetitel'skoi konferentsii, Adler 3–7 oktyabrya 2014 g. Traditsiya: Krasnodar, 2014. S. 217–219.
4. Krinko E.F., Tazhidinova I.G. Proverennye tsenzuroi: pis'ma voennogo vremeni kak istochnik po istorii sovetsskoi povsednevnosti // Yug Rossii v Velikoi Otechestvennoi voine: tropy pamyati: Sbornik nauchnykh statei. Krasnodar: Izd-vo «Edart-print», 2011. S. 131–153.
5. Pis'ma vo vlast'. 1928–1939 gg.: Zayavleniya, zhaloby, donosy, pis'ma v gosudarstvennyye struktury i sovetsskim vozhdym / Sost. A.Ya. Livshin. M.: ROSSPEN, 2002. – 526 s.
6. Obshchestvo i vlast'. Rossiiskaya provintsiya. 1930 g. – iyun' 1941 g. Tom 2 / Sost. A.A. Kulakov, V.V. Smirnov, L.P. Kolodnikova. – M: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2005. – 1152 s.
7. Makarova N.N. Povsednevnyaya zhizn' Magnitogorska v 1929–1935 gg.: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Chelyabinsk, 2010.
8. Makarova N.N. Povsednevnost' chuvstv epokhi forsirovannoi industrializatsii (po materialam Magnitogorska 1930-kh gg.) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 1(43). S. 205–213.
9. Klimochkina A.Yu. Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo provintsial'nogo goroda 1930-kh gg.: avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. Samara, 2007.
10. Kornoukhova G.G. Povsednevnost' i uroven' zhizni gorodskogo naseleniya SSSR v 1920–1930-e gg. (Na materialakh Astrakhanskoi oblasti): avtoreferat dis. ... kand. ist. nauk. M., 2004.
11. Tazhidinova I.G. «Spasibo, serdtse, chto ty umeesh' tak lyubit'!», ili O tom, kak i pochemu vyrazhalas' lyubov' v pis'makh vozhdym v 1930-e gg. // Lichnost'. Obshchestvo. Gosudarstvo. Problemy razvitiya i vzaimodeistviya. K 20-letiyu Zakonodatel'nogo Sobraniya Krasnodarskogo kraja. Materialy Vserossiiskoi nauchno-prosvetitel'skoi konferentsii, 3–7 oktyabrya 2014 g. Krasnodar, 2014. S. 255–259.
12. Tazhidinova I.G. «My takzhe khochem zhit' radostno, kak nash lyubimyi Stalin»: emotsional'nyi srez pisem vozhdym iz provintsial'nykh gorodov SSSR (1930-e gg.) // Russkaya starina. 2014. № 1. S. 47–60.
13. Zenzinov V.A. Vstrecha s Rossiei: Kak i chem zhivut v Sovetskom Soyuze. Pis'ma v Krasnuyu Armiyu, 1939–1940. N'yu-Iork, 1944. – 587 s.
14. Tazhidinova I.G. «Nu vot ya na fronte, a ty boyalas'». Perepiska voennosluzhashchikh Krasnoi armii s zhenami v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Vestnik arkhivista. 2014. № 2. S. 116–128.
15. Tazhidinova I.G. Povsednevnost' i emotsional'nye perezhivaniya cheloveka voennogo vremeni v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya // Geroi terpeniya. Velikaya Otechestvennaya voina v istochnikakh lichnogo proiskhozhdeniya: sb. dokumentov / red. – sost. I.G. Tazhidinova. Krasnodar: Diapazon-V, 2010. S. 5-18.
16. Tazhidinova I.G. «Nu vot ya na fronte, a ty boyalas'». Perepiska voennosluzhashchikh Krasnoi armii s zhenami v period Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. // Vestnik arkhivista. 2014. № 1. S. 104–113.

УДК 94

**Потенциал эпистолярных источников в изучении истории эмоций:
на материале писем из провинциальных городов в Красную армию в 1939 г.**

Ирина Геннадьевна Тажиудинова

Кубанский государственный университет, Российская Федерация
350063, г. Краснодар, ул. Кубанская Набережная, 4

Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: tajidinova@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается рост интереса к исследованию эмоций в исторической науке. Такой поворот требует уточнения источниковой базы. В данной статье анализируются возможности частной переписки для изучения «эмоциональной истории». На основе комплекса эпистолярных документов (писем из провинциальных городов СССР в Красную армию в ноябре-декабре 1939 г.) рассматривается «эмоциональный срез» повседневности горожан. Выявляется, что большое влияние на их жизненный тонус оказывали такие факторы как начало советско-финской войны и уровень материальной обеспеченности.

Ключевые слова. История эмоций, эпистолярные источники, предвоенное десятилетие, советско-финская война, провинциальные города Советского Союза, повседневность, эмоциональные переживания, беспокойство, любовь, материальная необеспеченность.